

Отсюда до уездного города путь неблизкий, можно сказать, дальняя дорога. От поселка Фэнлинь до уезда Шаньюань несколько десятков километров, и если не удастся сесть на воловью повозку, то пешком идти придется добрую половину дня. Нужно отправляться пораньше, пока стоит прохлада.

Сказав это, Шэнь Цзиньчэн ушла, даже не оглянувшись, оставив Ду Жо одного стоять на пороге и смотреть ей вслед.

...

Путь был утомительным, и лишь к обеду Цзиньчэн наконец добралась до уездного города. Ее нижняя рубаха насквозь пропиталась потом. Не имея времени любоваться суетой уездного центра, Шэнь Цзиньчэн первым делом нашла постоялый двор, чтобы передохнуть.

В народе говорят: встречают по одежке. Чтобы подать прошение и решить дело, нужно выглядеть достойно, ведь первое впечатление — залог успеха. Шэнь Цзиньчэн не только переоделась в опрятный синий халат конфуцианского ученика, но и на постоялом дворе составила грамотно написанное прошение.

В лучах солнца она держала в руках лист бумаги, изучая написанное. Рисовая бумага была чистой и гладкой, почерк — изящным, а текст — безупречно оформленным. Шэнь Цзиньчэн довольно кивнула. В этих краях умение писать уже само по себе делало человека в глазах окружающих представителем интеллигенции.

Приведя в порядок доказательства, Шэнь Цзиньчэн направилась прямо к уездному управлению. Расспросив дорогу, она миновала шумные торговые кварталы и в тихом, уединенном месте увидела ворота управления, над которыми красовалась надпись: Уездное управление Шаньюань.

Это здание было самым величественным и внушительным из всех, что Шэнь Цзиньчэн видела после своего перемещения, словно миниатюрный дворец. У алых ворот стояли два каменных льва ростом с человека, а по бокам застыли два грозных стражника. Возможно, из-за особой ауры этого места обычные люди предпочитали обходить его стороной.

Шэнь Цзиньчэн, решив совместить подачу заявления с осмотром достопримечательностей, медленно приблизилась. На улицах было много народу, но пространство вокруг управления было словно выжжено — чисто и пусто. Как только Шэнь Цзиньчэн вошла в эту зону отчуждения, стражники уставились на нее пронзительными взглядами, словно ястребы на цыпленка.

Несмотря на внутреннее напряжение, внешне Шэнь Цзиньчэн сохраняла невозмутимость. Она слегка улыбнулась стражникам и поднялась на крыльцо.

— Стой! По какому делу? — спросил чернолицый стражник.

Шэнь Цзиньчэн сложила руки в приветственном жесте:

— Я жительница деревни Силю поселка Фэнлинь, Шэнь Цзиньчэн. Пришла сюда, чтобы заявить о несправедливости.

С этими словами она протянула свое прошение. Стражники были не особо грамотны, но качество письма оценить могли. Простение, которое предъявила эта женщина, по красоте почерка ничем не уступало документам самого уездного начальника! А ведь тот был обладателем степени цзиньши.

Чернолицый стражник сразу понял, что перед ним непростой человек. Его тон мгновенно стал мягче:

— Позвольте спросить, вы жена сюцая?

Шэнь Цзиньчэн без тени смущения покачала головой:

— Нет.

Стражник озадачился. Он видел, что эта особа обладает недюжинным достоинством, но она не жена сюцая? Неужели жена цзюйжэня? Но в уезде жен цзюйжэней можно было по пальцам пересчитать, и о такой он не слышал. Чем загадочнее человек, тем больше он внушает опасений.

Оба стражника с почтением проводили Шэнь Цзиньчэн внутрь. Миновав ворота, она увидела во дворе защитную стену, в центре которой красовался резной каменный зверь с оскаленной пастью, а вокруг него — архитектурный ансамбль из синего кирпича с барельефами. Стражники забрали ее прошение и проводили в небольшую комнату, велев ждать.

В это же время они отнесли бумагу женщине, исполнявшей обязанности делопроизводителя. Та, седовласая женщина, долго и внимательно изучала прошение Шэнь Цзиньчэн.

— Это точно не наемный писарь составлял? — спросила она.

Чернолицый стражник кивнул:

— Я переспрашивал несколько раз.

Делопроизводитель больше ничего не сказала — в уездное управление редко приходят с подложными документами, к тому же почерк — вещь, которую не скроешь. Прочитав суть дела, она вздохнула:

— Мы обязаны восстановить справедливость. Для образованного человека нет ничего страшнее, чем запятнанная репутация, а уж тем более — подмена личности. Это вопиющая низость!

Ученые люди — цвет нации, и все старались относиться к ним с особым вниманием. Тем более, что у этой женщины такой изящный почерк, значит, и знания должны быть на уровне. Это дело нужно вести как следует.

С такими мыслями она взяла прошение и долговую расписку и направилась к уездному начальнику. Когда она вошла, глава уезда Шаньюань Чжан Аньжэнь как раз просматривала официальные бумаги. Не поднимая головы, она спросила:

— Что случилось?

Делопроизводитель, не смея поднять взгляд, почтительно ответила:

— Госпожа, сегодня поступило дело о крайне возмутительном происшествии. Прошу ознакомиться.

Обычно после подачи жалобы делопроизводитель сначала беседовала с истцом, составляла протокол, и лишь потом передавала его начальнику. На эту процедуру уходили дни. Но сегодня просительница сама составила все документы, что значительно облегчило задачу. К тому же, желая помочь, делопроизводитель сразу принесла прошение главе уезда.

— Хм? — Чжан Аньжэнь подняла голову и отложила кисть, которой только что исправляла документы.

Когда делопроизводитель протянула ей бумагу, Чжан Аньжэнь была удивлена:

— Кто это писал?

— Докладываю, госпожа: подательница жалобы написала сама.

Изящная женщина прищурилась и медленно произнесла имя:

— Шэнь Цзиньчэн? Приведите ее. Я хочу допросить ее лично.

...

Шэнь Цзиньчэн сидела в ожидании, когда ее привели в тот самый легендарный зал суда. Она увидела барабан для жалоб в проходе, доску с надписью Справедливость как зеркало, два ряда

грозных стражников с жезлами... Всё это внушало страх.

Власть чиновника была безгранична. Неудивительно, что люди обходили управление стороной. Она всего лишь пришла подать жалобу, а не как подозреваемая, зачем же устраивать такой официальный допрос?

Когда ее привели в зал, так как у Шэнь Цзиньчэн не было ученой степени, ей приказали опуститься на колени и смотреть в пол, не поднимая головы.

Впервые в жизни стоя на коленях перед всеми, Шэнь Цзиньчэн чувствовала, как ее гордость словно прижигают раскаленным железом, заставляя внутренности сжиматься от боли и унижения. Взгляды чиновников и стражников — высокомерные, строгие, любопытные, насмешливые — вонзались в нее. Атмосфера была невыносимой; Шэнь Цзиньчэн чувствовала себя куском мяса на разделочной доске, окруженной мясниками с тесаками.

Пока она пребывала в оцепенении, внезапно раздался удар по судейскому молотку, и прозвучал властный голос:

— Начинаем заседание!

Затем последовал гулкий стук жезлов об пол, сопровождаемый низким, протяжным криком: Вла-а-асть... Си-и-ила...

От неожиданности Шэнь Цзиньчэн чуть не схватил сердечный приступ. Режущий уши шум продолжался, и она не могла не признать: психологическое давление действительно работает. Она была по-настоящему напугана.

Здесь царило какое-то дикое, обнаженное чувство мрака. Люди были строго разделены на ранги, никакого равенства — она была словно легкая соломинка, а чиновник, сидящий наверху, держал в руках ее судьбу.

Наконец, звуки стихли. Раздался чистый, мелодичный голос:

— Кто перед судом? Подними голову.

Услышав приказ, Шэнь Цзиньчэн медленно подняла взгляд. В тот миг, когда их глаза встретились, в глазах обеих промелькнуло изумление.

Шэнь Цзиньчэн всегда считала, что люди — существа приземленные и ничтожные, но сейчас она поняла, что ее выводы были слишком поспешными. Неужели в мире существует столь утонченное и одухотворенное создание?

Это и есть глава уезда?

В голове внезапно всплыла строчка из стихов: Тень летящего гуся в лунном свете, словно фея, сошедшая с картины.

<http://bllate.org/book/20756/2081313>